

Андрей Ланиус

ОСТРОВОК

16+

Хроники недавнего времени

Андрей Ланиус

Островок

«Автор»

2016

Ланиус А.

Островок / А. Ланиус — «Автор», 2016 — (Хроники недавнего времени)

Продолжение "Ущелья Али-Бабы". Глухая провинция, но какие страсти кипят тут. Погони, убийства, роковые красавицы, бандиты всех мастей. Герой романа занят поисками пропавшего ученого создавшего секретное оружие.

Содержание

Глава	5
Глава первая. НОВОЕ ЗАДАНИЕ	6
Глава вторая. КОЕ-ЧТО О ЕЛАНСКЕ	11
Глава третья. ИСПУГАННЫЙ “МЕДВЕДЬ”	14
Глава четвертая. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ	20
Глава пятая. ЖЕНЩИНА В ЛИФТЕ	22
Глава шестая. НЕУНЫВАЮЩИЙ ТОЛСТЯК	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Островок

Глава

Глава первая. НОВОЕ ЗАДАНИЕ

Серый и дождливый городской пейзаж за окном ничем не напоминал ту величественную панораму южных гор, которая окружала меня еще несколько дней назад.

Дед сидел в своем любимом кресле в дальнем углу кабинета. Это была наша первая встреча после моего возвращения из Средней Азии. Конечно, еще раньше мы коротко пообщались по сотовому телефону, и Дед был в курсе, как некоторых деталей моей поездки, так и общего итога, констатировавшего, увы, что моя миссия завершилась полным фиаско, пускай и не по моей вине. Впрочем, в нашей “конторе” никакие оправдания в расчет не принимались. Провал он и есть провал.

– Итак, тайник был пуст? – своим тихим голосом резюмировал Дед, глядя мимо меня.

– Пуст был сундучок, – уточнил я. – Точнее, в нем лежала плотная картонная папка, набитая газетами. Не бумагами, за которыми вы меня снарядили, а газетами трехлетней давности. Старыми пожелтевшими газетами с одной и той же датой выпуска.

– Ага, – кивнул Дед, сводя перед собой свои тонкие розовые пальцы. – Газетами. Старыми газетами. Хотя, учитывая ситуацию, вряд ли их можно назвать старыми. Хм! А давай-ка проанализируем известные нам факты заново. Итак, в добрые еще советские времена в глухом горном кишлаке существовал хитро замаскированный тайник, секрет которого знали только двое: старые приятели – заправила наркобизнеса регионального масштаба Мирзоев и Алибаба. В самом тайнике помещался некий сундучок, а в нем среди прочего добра таилась некая папка с бумагами, имевшими, скажем так, баснословную ценность. Лет этак семнадцать назад, во время очередного совместного посещения тайника, эти двое перессорились не на жизнь, а на смерть. В буквальном смысле слова. И вот один из них – Мирзоев – отправился, как принято говорить, к праотцам. Второй – матерый мафиози Пустынцев по прозвище “Алибаба” – снова закрыл и замаскировал тайник, после чего бежал, спасаясь от возможного преследования со стороны сообщников убитого, стерегущих у выхода из ущелья. Спустя какое-то время Алибаба был арестован в другой местности под другим именем и по другому делу и отправлен за решетку. Находясь в заключении, Алибаба не переставал мечтать о том дне, когда он снова доберется до сундучка, продаст бумаги и заживет припеваючи. Он твердо верил, что остается единственным обладателем тайны, и эта мысль придавала ему силы в трудную минуту. Наконец, выйдя на свободу, он добрался до тайника и извлек из него заветную папку, правда, ценой собственной жизни, ибо за ним следили его старые враги. Но и враги остались с носом, потому как, благодаря твоей удаче, папка тут же оказалась в твоих руках, Ярослав. – (Дед всё же сделал мне завуалированный комплимент, подсластив горькую пилюлю.) – Мы уже готовились праздновать победу, но нас ожидал загадочный сюрприз. В папке вместо желанных ценных бумаг пылилась стопка газет, дата выпуска которых говорит о том, что эта, в высшей степени невероятная подмена произошла три года назад. То есть, в тот самый период, когда прах Мирзоева давно уже истлел, а Алибаба, вне всяких сомнений, томился за колючей проволокой. Как всё это можно объяснить? Каким образом произошла подмена? – Дед вскинул на меня свои светлые глазенки.

– Очевидно, о тайнике знал кто-то третий, – предположил я. – Иначе загадка не имеет решения.

– Отчего же? – хмыкнул в своей манере Дед. – Имеет, притом весьма простое. Действительно, был кто-то третий. Кто-то, кто разыскал тайник, зная о самом факте его существования. Вычислил эту нору. Обладая, так сказать, смекалкой, техническими навыками и зная местность. Причем, сделать это он сумел лишь три года назад.

– Один из нукеров Джамала? – предположил я.

– Нукер? – скептически усмехнулся Дед. – Давай-ка попробуем выстроить гипотезу. Вот, смотри... – он принялся загибать пальцы. – Разумеется, этот человек не совсем чужой в кишлаке. Ибо местность он знал. Но и к аборигенам он не принадлежал. Иначе Джамал давно бы раскусил такого хитреца в своем окружении. Не забывай, этот современный басмач видел своих бойцов насквозь. Значит, это был кто-то, кто периодически наведывался в кишлак еще при старом хозяине – Мирзоеве и пользовался определенным доверием с его стороны. Кто-то, кто наносил эти регулярные визиты в кишлак и после смерти Мирзоева, поддерживая контакты с Джамалом. Логично предположить, что речь идет о специалисте, в чьих услугах постоянно нуждались наркodelьцы, обосновавшиеся в кишлаке, согласен? Допустим, это был опытный взрывник, который методом направленных взрывов прокладывал через перевалы новые тайные тропы. Именно такой человек, имея определенную свободу передвижений, мог бы незаметно для других разыскать тайник, о котором, несомненно, имел общее представление. Как видишь, круг поиска заметно сужается, – с удовлетворением констатировал Дед.

– Ваша логика, как всегда, безупречна, – согласился я, радостно осознав, что выволочки не предвидится, и задал вопрос, который не переставал меня будоражить с того самого момента, когда я открыл папку: – Но зачем этот таинственный кладоискатель, забрав бумаги, вложил в папку старые газеты? Ведь это лишняя возня, а значит, и лишний риск. Зачем он оставил этот невнятный след?

– Полагаю, субъект, которого ты метко окрестил таинственным кладоискателем, хотел таким образом насолить Алибабе-Пустынцеву, – скупно улыбнулся Дед, продолжая развивать свою мысль. – Он знал, что придти за папкой может только Алибаба. Только Алибаба мог увидеть подмену, в которой, надо полагать, заложен некий скрытый смысл. В чем заключается этот смысл, мы с тобой пока не знаем. Но очевидно, что речь идет о сведении счетов между людьми, которые, надо полагать, враждовали на протяжении многих лет, хотя и работали на одну мафию. – Дед по привычке почесал мочку своего розового уха и заключил: – Итак, образ таинственного незнакомца, человека-невидимки, лихо обскакавшего нас, начинает постепенно выплывать из тумана, верно? Это, несомненно, закоренелый враг Алибабы, не побоявшийся бросить ему вызов. Нам известно, что Алибаба был далеко неординарной личностью, стало быть, его враг тоже не из хлюпиков. Тебе не кажется, Ярослав, что круг поиска сузился еще заметнее?

Что-то подсказывало мне, что еще до моего приезда Дед вычислил того, кто оставил меня в дураках.

– Ладно, не буду тебя томить, – Дед словно прочитал мои мысли. – В свое время мне пришлось плотно заниматься Алибабой и попутно изучать его окружение. Еще тогда мне на заметку попал некто Спорышев Константин Константинович. Спорышев и Пустынцев знали друг друга со студенческой скамьи. Кстати, именно Спорышев дал Пустынцеву кличку Алибаба, которая сопровождала того до конца дней. Много лет они дружили, но затем между ними пробежала черная кошка. Не знаю, по какой причине, но они стали заклятыми врагами. В какой-то момент судьба надолго развела их, но затем они снова оказались в одной упряжке на почве наркoбизнеса. Правда, служили разным баронам. Пустынцев, как ты уже знаешь, был человеком Мирзоева, а Спорышев – офицер-сапер в звании майора, ас своего дела, во время афганской кампании связался с тамошними владельцами опиумных плантаций. В свою очередь, афганские дельцы, стремясь наладить канал сбыта через Таджикистан, вышли на Мирзоева, послав к нему для переговоров в качестве доверенного лица Спорышева, за которым тогда же закрепилось прозвище Сапер. Так мы и будем называть в дальнейшем бывших приятелей – Алибаба и Сапер. Сапер, насколько мне известно, сумел добиться доверия Мирзоева, после чего наведывался в кишлак весьма регулярно. Несомненно, здесь он встретил Алибабу. Полагаю, застарелая вражда вспыхнула с новой силой. Впрочем, на людях они, скорее всего,

улыбались друг другу и жали один другому руки. Но тайная ненависть в их душах разгоралась всё сильнее.

“Тайная ненависть в их душах”... – Дед любил иногда употребить в разговоре литературный образ, водился за стариком такой грешок.

– Тогда многое становится на свои места, – поддакнул я. – Бывая в кишлаке, Сапер действительно мог узнать о том, что где-то в глубине Змеиного ущелья Мирзоев построил тайник, а затем уничтожил каменотесов. Найти такой схрон совсем непросто. Саперу потребовалось для этого больше двенадцати лет. Лишь три года назад он добился своего, оставив для Алибабы кипу одинаковых газет, предположительно, как некий знак, своеобразное послание. – Тут я позволил себе взглянуть на Деда: – Что ж, теперь, по крайней мере, понятно, кто взял бумаги. Мы продолжим их поиск или как?

– А для чего, по-твоему, я вот уже битый час толкую с тобой?

Здесь я решил, что настал подходящий момент задать другой важный вопрос, который уже давно не давал мне покоя:

– Вы не считаете, что для успеха дела лучше посвятить меня в секрет этих бумаг?

– Думаю, ты прав, – неохотно кивнул Дед. – Без компаса из этих потемок не выбраться. Выслушай же еще одну невероятную историю. Когда-то, еще в старые времена, больше двадцати лет назад, жил-был один химик. Очень талантливый. Не думаю, что сильно ошибусь, назвав его гением. Фамилия его была Епитимьев. Как и большинство истинных гениев, он был своенравен, капризен и непрактичен в быту. Судьбы гениев тоже складываются по-разному. Его судьбе не позавидуешь. – Дед вздохнул. – Впрочем, поначалу всё было довольно благостно. Епитимьев работал в одном из отраслевых НИИ Ташкента, проводил плановые исследования, защитил кандидатскую диссертацию и даже стал профессором. Заметь, в неполных тридцать лет! А затем у него появилась смелая идея, которую, вероятно, можно отнести к области нанотехнологий. На свою беду, Епитимьев опередил время. Два десятилетия назад, да еще в Средней Азии, может, и слова такого не знали – нанотехнологии. Впрочем, я могу и ошибиться, – на секунду Дед вскинул над головой руки. – Но как бы там ни было, а к подобным идеям в ту пору относились как к чудачеству, сродни умению подковать блоху. И не только в Средней Азии, но и в Москве тоже. Епитимьев писал заявки, требовал в своей напористой манере предоставить ему уникальное оборудование и неизменно получал отказы. Другой на его месте давно отступился бы. Но я уже говорил, это был гений со всеми его достоинствами и недостатками. Он начал публично и в весьма обидной форме критиковать руководство института и всё такое прочее. Словом, его быстренько уволили под благовидным предлогом. Надо сказать, что Епитимьев вел себя несдержанно и со многими коллегами, да и к правлению местной академии наук относился без должного почтения, так что грудью на его защиту никто не встал. Он со всеми перессорился, всех обозвал “бездарями”. В ответ заслужил прозвище “сумасшедший химик”, остался без работы и без средств к существованию, поскольку везде ему отказывали, зная его скандальный, непредсказуемый характер. Одно время он даже разгружал вагоны, благо, отменное здоровье позволяло ему легко справляться с физическими нагрузками. Впрочем, думаю, это была поза.

– Гений не от мира сего, – подытожил я.

– Верно... – Дед отпил глоток холодного кофе из стоявшей перед ним чашки и продолжал:

– И вот в какой-то момент судьба свела его с Сапером. Епитимьев был рад возможности выговориться, а Сапер, слушая случайного собеседника и уже имея за плечами военный опыт, понял вдруг, что перед ним – создатель нового типа индивидуального вооружения, которое может иметь огромный спрос на формирующемся “черном рынке” оружия. Сапер поехал к Мирзоеву и убедил того взять бесхозного гения под свое крыло. В свою очередь, Епитимьеву было уже всё равно где работать, лишь бы иметь возможности для реализации своей идеи.

Мирзоев вполне официально зачислил его сотрудником одной из селекционных лабораторий своего агрообъединения. В действительности же Епитимьеву создали максимально благоприятные условия для его экспериментов. Получил он и оборудование, не уникальное, конечно, но позволяющее проводить определенные этапы исследований. Полагаю, лаборатория находилась где-то в окрестностях кишлака Ак-Ляйляк. Время от времени приезжал Сапер, интересовался у Епитимьева, как идут дела. Похоже, у него уже тогда были свои виды на химика. Точнее, на его изобретение. Полагаю, Алибаба первым раскусил истинные намерения Сапера и пытался сам стать опекуном для гения. Кто знает, чем бы всё это закончилось, если бы не внезапная ревизия из Центра, если бы не угроза для Мирзоева, да и для Пустынцева оказаться под арестом. Предупрежденный заранее верными людьми, Мирзоев принял, что называется, прятать концы в воду. Химик и его лаборатория могли вызвать много лишних вопросов. Вот тут-то Сапер и предложил на время, мол, пока не уляжется шум, спрятать Епитимьева в Афганистане, у верных людей. Мирзоев легко согласился. Несомненно, что Сапер мечтал наложить лапу на изобретение, эксперименты по которому близились, очевидно, к своему практическому воплощению. Из окружения Мирзоева, пожалуй, один только Алибаба понимал истинную ценность того, что делает химик. Он не хотел сдавать химика Саперу, но в той ситуации не мог предложить другого варианта. И это подлило масла в огонь той вражды, которая горела в сердцах бывших приятелей. Единственное, на чем сумел настоять Алибаба, это сделать копии со всех расчетов и заметок ученого. Вот эти копии и составили содержимое папки, за которой мы охотимся, Ярослав.

Дед снова сделал пару глотков холодного кофе. Я терпеливо ждал.

– Пользуясь своими каналами, Сапер по чужим документам переправил профессора “за речку”, – продолжал Дед. – Предполагалось, очевидно, что Епитимьев завершит свои исследования, обосновавшись в одной из тихих провинций, где ему создадут лабораторию на деньги наркобарона, которому служил Сапер. Затем на какой-то период следы профессора теряются. Известно, однако, что накануне вывода наших войск, автомобиль, на котором профессора пытались перевезти дальше в горы, подорвался на mine и упал в глубокую пропасть. Чуда, к сожалению, не произошло. Правда, трупа профессора никто не видел. Но поскольку за последующие полтора с лишним десятилетия ни сам профессор, ни его изобретение нигде так и не проявились, факт гибели нашего гения можно считать установленным. Между тем, всё это время в тайнике в окрестностях Ак-Ляйляка пылилась копия его почти завершённой работы, которую, наверняка, смог бы успешно довести до конца любой в меру талантливый химик на основе последних достижений в этой области. Вот почему, несмотря на гибель Епитимьева, эти бумаги по-прежнему имеют колоссальную ценность. Несомненно, Пустынцев собирался завладеть ими для последующей продажи. Но, как мы теперь знаем, его опередил Сапер. Больше некому. – Дед снова вздохнул: – Смотри, что получается, Ярослав... Химик погиб, про его работу научный мир ничего не знает. Ничего не знают о ней и спецслужбы ведущих стран. Знал о ней только один человек – Сапер, который, полагаю, в отличие от Пустынцева, не собирался торговать чужой идеей, а рассчитывал продавать готовый продукт и самому назначать за него цену. Итак, если бумаги действительно оказались в его руках, то вот как он с ними поступил. Он нанял двух-трех толковых ученых мужей, создал им условия для работы, выдал щедрый аванс, но потребовал, чтобы в ближайшей перспективе они обеспечили результат. Он сделал это три года назад. Три года! Стало быть, изделие уже на выходе. Быть может, этот продукт у него уже есть. – Дед постучал ладошкой по столу: – Вот так-то, Ярослав... Да, это не наша работа. Но я сильно подозреваю, что если мы ее не сделаем сейчас, то те, кто должен заниматься ею по своей должности, спохватятся слишком поздно. Сапер – очень сильная и крайне опасная личность! Вопросы есть?

– Вагон и маленькая тележка!

– Хотел бы я иметь столько же ответов, – посетовал Дед. – Ладно, спрашивай!

– Папка пролежала в тайнике без движения почти полтора десятилетия. Ладно, Пустынцев сначала был в бегах, затем сидел в тюрьме. Но Сапер? Почему он забрал папку не сразу, а лишь три года назад? Он-то чего выжидал?

– Этого я не знаю, – развел руками Дед. – Может, он тоже где-то отсутствовал или не сразу нашел тайник... Вообще, в этой истории очень много “белых пятен”. Почему он вложил именно газеты? Специально их приготовил или они попросту случайно оказались под рукой? Кого он привлек к доработке идеи Епитимьева? В чем заключается сама идея? В каком состоянии работа сейчас? Где проводятся исследования? Надеюсь, со временем мы получим ответы на все вопросы. Ну, а пока перед тобой стоит задача познакомиться с Сапером и войти к нему в доверие.

– То есть, вы знаете, где он находится сейчас?

– В самых общих чертах. Вскоре после развала Союза Сапер осел в городе Еланске. Очевидно, в качестве доверенного лица всё того же афганского наркоклана. Именно через Еланск все эти годы шел один из потоков наркотиков в Восточную Европу и далее на Запад. И этот поток четко контролировал Сапер. Вдобавок, он прибрал к рукам и местный рынок иномарок. Словом, деньги у него есть, и немалые. Притом, он мужик оборотистый и, наверняка, многократно приумножил свои капиталы. Оборудовать тайную лабораторию – для него пара пустяков. Вот, собственно, и всё, что я знаю. Однако же, по старой дружбе у меня в Еланске есть один верный человек, который, полагаю, хорошо знает обстановку в городе. Город-то небольшой, там люди все на виду, как в аквариуме. Передашь ему привет от меня. А называй его просто – Фомич. Я уже позвонил ему и предупредил о твоём появлении. Он ждет тебя и даст тебе полную информацию о Сапере. На основе этой информации придумаешь себе легенду. – Дед выдвинул ящик стола, порылся там и достал светло-коричневый конверт средних размеров. – Вот фотография Сапера, правда, 15-летней давности. Он относится к тому типу людей, которые внешне мало меняются с возрастом. Полагаю, при встрече ты его узнаешь. – Он протянул мне снимок: – Можешь взять его с собой.

Я взглянул на фотокарточку размером шесть на девять.

С нее на меня смотрел худощавый скуластый тип со светло-рыжими волосами и реденькими соломенными бровями. У него был хрящеватый сломанный нос, твердые тонкие губы и волевой подбородок. Маленькие светлые глазки смотрели с ленивым презрением, но в них чувствовалась неукротимая энергия. Знал я таких субъектов. На узкой тропе с ними лучше не встречаться.

Тем временем Дед достал из конверта еще одну фотографию:

– А это Епитимьев. Тоже 15-летней давности. Взгляни просто так, для общего развития. Вот так выглядят гении. Капризный, неуступчивый, не признающий возражений со стороны коллег, а уж тем более администрации. Словом, тяжелый человек. Но – гений. Да-а, очень жаль, что такой незаурядный ум погиб, так и не принеся пользы своему отечеству...

Честно говоря, я ожидал увидеть такого головастого зануду. Но цветная фотография запечатлела крепкого и румяного мужика с прищуром чуть раскосых глаз стального отлива, в которых читалась какая-то веселая удаль. Это был тип жизнелюба и сибарита. Пожалуй, единственным признаком, роднящим его с миром кабинетной науки, была полированная академическая лысина. То есть, профессорская. Профессор в неполных тридцать лет.

– Что же он изобрел, этот гений?

– Этого, к сожалению, я не знаю, – сокрушенно вздохнул Дед. – Но, полагаю, что-то весьма стоящее и нетленное. Иначе мафиози не гонялись бы так энергично за его бумагами. – Он протянул мне руку: – Удачи тебе, сынок! Уверен, что после твоего возвращения мы будем знать об этом деле гораздо больше, чем знаем сейчас.

Глава вторая. КОЕ-ЧТО О ЕЛАНСКЕ

Никогда прежде мне не доводилось бывать в Еланске, я вообще мало что слышал об этом городе, и потому перед сборами в дорогу решил восполнить пробел в своих этнографических знаниях.

Вот что выяснилось после беглого путешествия по страницам Интернета.

Еланск – город областного масштаба с четырехсоттысячным населением и богатой историей. На своем веку он повидал немало войн, смут и бунтов – “бессмысленных и беспощадных”. Был славен своими церквями и монастырями, а также купечеством. Лишился всего этого в годы “великого перелома”. В период “дикого капитализма” здесь сложился рынок иномарок – один из крупнейших в европейской России. Одновременно в Еланске в преувеличенной, гротескной форме проявился весь негатив новых времен. Бойко шла торговля наркотиками, краденными машинами и цветными металлами. На запах шальных денег тучами слетались аферисты и мошенники всех мастей. Буйствовал рэкет. На все вкусы предлагался живой товар. Еще недавно бандитские разборки среди бела дня, поножовщина, пьяные драки были здесь обычным делом.

Затем я дотошно изучил карту области. К востоку от Еланска местность выглядела обжитой – один за другим тянулись поселки, райцентры и небольшие города с развитой сетью дорог. Западная часть области являла собой противоположную картину. Судя по условным значкам, вся она (кроме узких полосок вдоль трасс) была покрыта девственными заболоченными лесами.

Затем я отправился в газетный отдел публичной библиотеки и пролистал еланские газеты выпуска последних месяцев. Ничего такого, что свидетельствовало бы о странных происшествиях, которые можно было хотя бы косвенно связать с тайными экспериментами по нанотехнологиям, я в еланской прессе не обнаружил. Собственно, ничего другого я и не ожидал.

Затем безо всякой уже надежды я заказал те же газеты 15-летней давности. Именно в тот период Сапер осчастливил своим появлением славный город Еланск.

И вот тут-то меня ожидал сюрприз.

Оказалось, что в советские времена в глухих болотистых лесах под Еланском функционировал “почтовый ящик”, носивший кодовое название “Островок”. Фактически это был мощный научно-исследовательский и опытно-экспериментальный комплекс, занимавшийся, в частности, разработкой оружия, которое с определенной долей натяжки можно было назвать химическим. Название “Островок” этот центр получил не случайно. Дело в том, что его корпуса были возведены посреди непролазной обширной топи. Имелось километрах в ста семидесяти от Еланска, среди заповедных дебрей такое милое местечко – незамерзающая трясына, которую охотники и грибники, изредка забредавшие в эту глухомань, окрестили “Блюдцем сатаны”, обходя сей природный феномен десятой дорогой. Диаметр “блюдечка”, наполненного вязкой болотной жижей, был немалый – порядка пятнадцати верст. Но вот какое чудо: посреди этого моря-океана непролазной топи имелся своеобразный остров – твердый участок с гранитным основанием. Вот именно, – остров в окружении непролазной топи. Непролазной и, я это отметил особо, незамерзающей. То есть, добраться до этого гранитного острова могли только птицы. Или вертолеты. Поперечник острова составлял порядка семисот метров. Вот здесь-то, вдали от шпионских глаз, и возвели научный комплекс, крупный даже по сегодняшним меркам. А для подвоза стройматериалов и оборудования с “большой земли” прямо по болоту проложили дорогу на понтонах, сваях и лежневках, являвшуюся чудом инженерной мысли. И сам объект, и тематика проводившихся в его лабораториях исследований были строго засекречены. Военные связывали с “Островком” большие надежды...

Кто же мог предположить, что в недалеком будущем ситуация изменится кардинальным образом! После развала СССР финансирование “Островка” фактически было прекращено, как, впрочем, и многих других подобных “почтовых ящиков”. Но, похоже, именно “Островок” был кое для кого вроде бельма на глазу. Вскоре то там, то здесь замелькали публикации о якобы продолжающихся разработках химического и бактериологического оружия на постсоветском пространстве, в связи с чем назойливо муссировались слухи вокруг “Островка”. По странному стечению обстоятельств, эта кампания предшествовала подписанию некоего договора, открывавшего тогдашнему правительству России доступ к крупным международным кредитам. И вот, дабы заранее снять возможные неудобные вопросы, наша покладистая власть распорядилась незамедлительно ликвидировать “Островок” – под корень, вместе со всем оборудованием.

Известно, что именно дурные приказы у нас выполняют грамотно, старательно, проявляя недюжинную смекалку и инициативу. Еланская пресса тех лет, финансируемая, похоже, лобби определенного толка, в один голос писала, захлебываясь от восторга, что “почтовый ящик”, представлявший угрозу для всего цивилизованного человечества, стерт, наконец, с лица планеты, превращен в пыль и повержен в болото. То есть, не просто закрыт и опечатан, а взорван в буквальном смысле слова, взорван вместе с тем гранитным основанием, на котором покоился, и которое погрузилось в бездонную трясику вместе с обломками бывших лабораторий и испытательных стендов. Зато вождельный кредит был получен до последнего бакса. Ну и, стало быть, благополучно разворован.

Я вышел в курилку и некоторое время осмысливал прочитанное.

Итак, под Еланском существовал крупный “почтовый ящик”, основной костяк коллектива которого составляли квалифицированные химики, физики, биологи и прочий ученый народ. Этот чудный остров-островок взорвали вместе с лабораториями и оборудованием, опрокинули в непролазную топь. Но что случилось с физиками-химиками? Одни, надо полагать, уехали за бугор, другие устроились преподавателями в местные вузы и колледжи, третьи пере-квалифицировались, четвертые спились... Но так или иначе, найти в Еланске ученого мужа с солидным творческим багажом за плечами, проблемы не составляло.

Мне было также известно, что на подобные “почтовые ящики” замыкались обычно всякого рода дочерние научные организации. Трогать их в связи с “Островком”, наверное, не стали, но и финансировать, полагаю, прекратили, предоставив выживать по принципу “спасение утопающих – дело рук самих утопающих”. На заре эры приватизации подобные конторы выживали, как правило, за счет сдачи своих площадей в аренду. При этом всё научное оборудование, вмиг ставшее вдруг лишним, перетаскивалось в самый дальний и неприглядный бокс...

Вдруг я понял одну очень простую вещь. Если у Сапера и вправду есть в этом деле свой интерес, то реализовать идею погибшего гения ему, Саперу, проще всего было бы здесь, в этом тихом городе, окруженном лесами, бесчисленными озерами и топями, городе, расположенном далеко в стороне от академических центров. Именно здесь, в этой глубинке, можно было легко, не привлекая к себе внимания, найти опытных, прозябающих на житейской мели специалистов, достать импортное, числящееся списанным, научное оборудование, задействовать прочие факторы, направленные на организацию исследований...

Всё это было для меня очевидным.

Вот только нестыковки по времени я никак не мог понять. С Епитимьевым Сапер встретился около двадцати лет назад. Еще через несколько лет Епитимьев погиб, но его бумаги с расчетами к тому времени уже находились в тайнике, о чем Сапер прекрасно был осведомлен. Сапер не сидел в тюрьме, не находился в коме, его, надо полагать, не похищали инопланетяне... Почему же он начал действовать лишь три года назад? Загадка!

И вообще, почему Сапер приехал именно в Еланск, да еще как раз накануне ликвидации “Островка”? Череды совпадений?

Чем больше я думал об этом деле, тем запутаннее оно мне представлялось.

Пребывая в задумчивости, я свернул на полутемную лестницу и едва не налетел на какого-то худосочного очкарика, который нес большую стопку книг, держа ее перед собой обеими руками. Я всё же успел посторониться, но парнишка, то ли от растерянности, то ли ввиду плохого зрения, задел меня плечом. При этом его книги одна за другой посыпались на пол. Слетели и его очки, скользнув по ступенькам вниз. Я помог неловкому пареньку собрать его хозяйство и, кивнув в ответ на его смущенные извинения, поспешил к выходу.

Глава третья. ИСПУГАННЫЙ “МЕДВЕДЬ”

В славный город Еланск я прибыл утренним поездом.

Центр города оказался примерно таким, каким и представал со страниц туристических справочников. Два-три 16-этажных “небоскреба”, три-четыре “дворца” в стиле ампир с башенками и колоннами, серая помпезная громада местной администрации, пышные цветочные клумбы, уличные кафе, под пестрыми зонтиками которых народ потягивал пиво, наслаждаясь мягкой солнечной погодой...

Верхние этажи гостиницы “Еланск”, в которой мне был забронирован номер, ясно просматривались уже с привокзальной площади.

Через несколько минут я входил в просторный холл, отделанный мрамором, карельской березой, бронзой и зеркалами. У дальней стены поднималась из кадки настоящая пальма – любимое дерево провинциальных гостиничных администраторов.

По всему чувствовалось, что место тут бойкое. Народ сновал взад-вперед. Группа иностранцев заполняла какие-то бумаги. Из открытых дверей бара доносилась музыка. Таблички и указатели извещали, что в гостиничном комплексе имеется множество других уголков для приятного отдыха. Разглядел я и пару-тройку фигуристых блондинок, привычно высматривающих свою добычу. Словом, нормальная губернская гостиница.

Не в пример холлу, мой номер оказался тесноватым, и все же здесь имелось все необходимое для работы и отдыха: стол, телефон, душ, чистое постельное белье и холодильник. Более детальное знакомство с гостиничными удобствами я решил отложить до вечера, а пока – прищпорить коня удачи, пока он не убежал от меня куда-нибудь в сторону еланских лесов.

Приняв душ, я перекурил, собираясь с мыслями, после чего оделся и направился в бар “Еланский медведь”, который, судя по схеме, располагался в трех кварталах от гостиницы. Именно там, в “Еланском медведе”, служил барменом Фомич – “верный человек” Деда.

Гостиница этакой дугой смотрела на тенистый сквер. Я двинулся по зеленому бульвару, застроенному старинными купеческими особняками вперемежку с бетонными и кирпичными коробками.

За первым же перекрестком открылся еще один сквер, изумрудная зелень которого приятно контрастировала с серыми плоскостями некой бетонной громадины, поднимавшейся выше деревьев. Огромные буквы, установленные на крыше, гласили: “КИНОКОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ”. Вдоль дорожки, по которой я шел, выстроились шеренгой театральные тумбы, оклеенные яркими афишами. Я скользнул взглядом по ближайшей:

“ВПЕРВЫЕ В ЕЛАНСКЕ! ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА ЭСТРАДЫ КЛИО-ПАТРА И ГРУППА “БА-БУ-ИН!”

И ниже – более мелкими буквами:

“Конферанс – заслуженный работник культуры РФ Аркадий Балагулин!”

Афиша была украшена двумя броскими портретами. Из верхнего левого угла затаенно улыбалась жгучая брюнетка-вамп, будто высматривая очередную жертву. Очевидно, это и была несравненная Клио-Патра. Из нижнего правого угла на нее просветленно взирал низенький толстяк с неприлично огромным животом, блестящей лысиной и козлиной бородкой. Надо полагать, это было шаржированное изображение конферансье. Трудно было представить реального человека обладавшего столь неестественными пропорциями.

Впрочем, всё это великолепие перечеркивала желтая лента с черной надписью: “По техническим причинам гастролы переносятся на более поздний срок”.

Но вот, однако, и “Еланский медведь”. Оказалось, что это целый ресторанный комплекс, стилизованный под княжеский терем. Бар занимал лишь небольшой его уголок. С первого взгляда было ясно: заведение не из дешевых, рядовой любитель пропустить стаканчик, вряд ли отправится сюда, чтобы снять привычный стресс. В полутемной прохладе сводчатого зала ненавязчиво играла музыка. Два-три ранних посетителя потягивали из высоких кружек медовуху – фирменный напиток “Еланского медведя”, как извещало меню у входа.

По ту сторону стойки бара застыл в величественном ожидании крепко сбитый вальяжный старик в белой форменной рубашке с черным галстуком-бабочкой. Его гладко выбритое, какое-то восковое лицо выделялось тяжелой, как у бульдога, нижней челюстью. На толстом волосатом пальце левой руки бармена сидел массивный перстень из червонного золота. А колоритный у Деда “верный человек”, ничего не скажешь!

С полминуты я разглядывал этикетки, затем попросил налить мне полтинник “Хэннеси” и, лишь взяв рюмку, передал бармену привет от Деда, присовокупив во избежание какой-либо накладки пару слов пароля.

Вообще-то, я предполагал, что сразу после этого Фомич улыбнется, пожмет мне руку, затем забросает меня расспросами про Деда, после чего уже ответит на все мои вопросы – прямо здесь, у стойки. А я, слушая его, успею пропустить рюмочку-другую. Благо, ввиду явного отсутствия очереди, никто не станет отвлекать нас от деловой беседы.

Но произошло что-то странное. Едва я обозначил свой статус, как этот матерый бульдог превратился в жалкую дворнягу. Он как-то съежился, сгорбился, а в его оловянных зрачках с желтоватыми белками отразился неодолимый страх, чтобы не сказать ужас.

– Говорите тише, – попросил Фомич, настороженно озираясь по сторонам из-под припущенных тяжелых век. – У стен тоже бывают уши. Не будем терять времени, однако. У нас есть минут двадцать, не больше. Затем хлынет народ, и я буду занят. Что вас интересует? – на его рубленые фразы накладывалась барабанная дробь какой-то рок-группы. Я заметил, что пальцы рук бармена тоже дрожат. Когда он ненароком повернул ладонь, перстень начал выбивать дробь о стекло, но не в такт музыке.

Чего это он так переполошился?

Впрочем, а мне что за дело?

– Меня интересует самая полная информация о человеке по прозвищу Сапер, – четко ответил я на его вопрос.

Он снова огляделся, облилизал свои толстые губы, затем принялся медленно отсчитывать мне сдачу, чуть слышно приговаривая при этом:

– У нас город небольшой, вступать в долгие разговоры с барменами не принято. Кто-нибудь обязательно обратит внимание и вспомнит, если произойдут неприятные последствия. Здесь, у стойки, общаться опасно. Сейчас я попрошу Машу, пусть меня подменит. Вы же садитесь за столик и не торопясь пейте свой коньяк. Выкурите сигарету. Минут через десять пройдите вон по тому проходу до конца. Там увидите каморку уборщицы. В ней и встретимся.

Я в точности выполнил инструкции старого служаки, не переставая дивиться тому испугу, который вызвал у него одним своим появлением.

И вот мы оба сидим в клетушке, такой тесной, что наши колени соприкасаются. Мне казалось, что я ощущаю непрерывную нервную дрожь Фомича.

– Я давно уже отошел от дел, – заговорил бармен, нервничая еще заметнее. На его седых висках выступили крупные капли пота. – Да, отошел, – повторил он, будто отвечая каким-то своим мыслям. – Но по жизни я многим обязан Деду, и потому согласился предоставить вам, его курьеру, ту информацию, которой располагаю. На этом мое участие в вашей акции прекращается. Я более не знаю вас, вы не знаете меня. Вы меня поняли?

– Успокойтесь, пожалуйста, – я попытался мягкими манерами разрядить его очевидное напряжение. – Кроме информации, мне от вас ничего и не нужно.

– Тогда слушайте... – он выглянул в щелку, которую, похоже, оставил специально, чтобы держать под контролем узкий коридорчик, и заговорил всё той же нервной скороговоркой: – Споришев Константин Константинович, он же Сапер, появился в нашем городе в начале 90-х. Первое, что он сделал, это прибрал к рукам небольшой строительно-монтажный участок по производству буровзрывных работ, который давно уже дышал на ладан в нашем лесном и болотистом краю. Но надо же тому случиться: едва Сапер стал владельцем чахнувшей конторы, как на самом верху было принято решение о полной ликвидации “Островка”! – Бармен мельком глянул на меня: – Знаете, что такое “Островок”?

– В самых общих чертах.

– В тот период в западной, да и в нашей либеральной прессе не оскудевал поток информации, сводящейся к тому, что на секретной базе под Еланском разрабатывается, дескать, новое психотропное оружие “ползучего” действия, в основе которого лежит принцип тотального зомбирования населения. Мол, русский медведь лишь в рекламных роликах – добродушный увальень, обожающий мед и своих медвежат, а на деле он продолжает точить когти и зубы в своей темной берлоге. Началось и дипломатическое давление с требованием допустить международных экспертов на объект. Похоже, наши тогдашние правители здорово перепугались... Было принято решение о полной ликвидации “Островка”. А дальше и вовсе начались чудеса: подряд на производство буро-взрывных работ получила фирма Сапера! До сих пор не могу понять, то ли это его удача, то ли какая-то большая закулисная игра, в которой Сапер вовсе не был пешкой. Так или иначе, но именно снос “Островка” помог ему сколотить стартовый капитал и стать заметной фигурой среди городских заправил. Вскоре он успешно занялся перепродажей иномарок, ловко играя на льготах, которые получили некоторые общественные организации и физические лица. Ходят слухи, что он и поныне контролирует местный рынок наркотиков, доставляемых из Средней Азии. Собственно, он этот рынок и организовал. Но, похоже, он припадает и ко многим другим источникам. Его умение делать деньги из ничего, буквально из воздуха, наглядно проявилось на примере “Березовой Рощи”.

– “Березовая Роща”? – переспросил я. – Что за заведение такое?

– Научно-исследовательский центр “Островок”, которого мы уже коснулись, располагался на гранитном острове посреди болота, – ответил бармен. Судя по ноткам уверенности, прозвучавшим в его голосе, я догадался, что мой собеседник когда-то и сам имел отношение к секретному НИИ в еланских лесах. – Да, все его сооружения, а также понтонная дорога через топь были уничтожены подчистую. Но остался небольшой городок в лесу, на “большой земле”, перед началом понтонной дороги – два-три жилых здания и несколько боксов. Там размещались охранные и ремонтные службы, медсанчасть, хозяйственный блок. После ликвидации “Островка” всё это тоже стало ненужным. Там ведь нет никакого жилья в радиусе доброй сотни километров. И тогда Сапер вызвался купить эти ставшие бесхозными строения. Достались они ему в буквальном смысле слова за гроши. Сапер вложил туда средства и за два-три сезона отстроил современную охотничью базу. “Охотничью тропу”, как он сам ее называет. Но попасть на эту тропу могут не просто богатые, а лишь очень богатые любители поохотиться за дичью, которой в тех местах, являвшихся много лет закрытой зоной, расплодилось видимо-невидимо. Там и медведи, и лоси, и кабаны, и вся прочая живность, а также птица. Едут туда со всего мира – капитаны германской промышленности, арабские шейхи и даже состоятельные искатели экзотики из Южной Америки. Всё оформляется надлежащим образом: выкупаются лицензии на отстрел и так далее. Но что в действительности происходит на этой самой базе, в Еланске мало кому известно.

– Понятно. Где можно купить туда билет?

Бармен помотал головой:

– Лучше и не пытайтесь! То есть, в городе формально имеется контора, но там вам скажет, что все билеты распроданы на несколько месяцев вперед. Чтобы попасть в “Березовую

Рощу”, нужно принадлежать к кругу избранных. Или быть другом Сапера. В крайнем случае – другом человека, которому он полностью доверяет. Но парадокс заключается в том, что полностью он не доверяет никому. Разве что Лизе, своей родной сестре. Сапер летает туда на своем личном самолете. Есть у него небольшой самолет, который он держит в местном аэроклубе. Соответственно, в “Березовой Роще” тоже построена взлетно-посадочная полоса. А для гостей арендуют вертолеты. И все остаются в восторге от гостеприимства Сапера и Елизаветы, которая, собственно, и ведет всё хозяйство “Березовой Рощи”, вникает в каждую мелочь и всё держит в своей твердой руке. То есть, в кулаке.

Ага, значит, на горизонте появилась сестрица главного мафиози...

– Расскажите подробнее об этой дамочке.

Бармен как-то глумливо усмехнулся:

– Ходят слухи, что Елизавету мужики не интересуют. Она из этих... как это? Розовых! Забавляется с молодыми девчонками, тьфу! Но, вроде бы, и своих ровесниц не обходит. А нас, мужиков, ненавидит до лютой! Говорят еще, что у нее тяжелая рука и что она любит наряжаться амазонкой.

– Сколько ей лет?

– Немного за тридцать. Тридцать два или тридцать три.

– Ага, значит, она Саперу младшая сестричка? Они ладят между собой?

– В свое время о скандале между ними сплетничал весь Еланск, – снова ухмыльнулся бармен. Похоже, он, наконец-то, начал понемногу успокаиваться.

– А что за скандал?

– Дело в том, что Сапер, несмотря на его мафиозную сущность, – человек строгих правил и сторонник крепкой семьи. Сам он стать отцом не может из-за ранения, полученного в свое время в Афганистане. И потому в течение ряда лет он пытался – то кнутом, то пряником – склонить сестру-лесбиянку к замужеству. Осознав, наконец, что из этой затеи ничего не выйдет, он поставил перед ней ультиматум: живи, мол, как хочешь, но роди мне племянника, которого я сам воспитаю, как родного сына! Разговор этот состоялся между ними будто бы еще лет семь назад. Она вроде согласилась рожать, но только после того, как ей исполнится тридцать. И вот срок давно миновал, а наследника у Сапера всё нет.

– А в чем причина?

– Да едва он сыщет для сестренки подходящего жениха, как следом выясняется, что у того неблагополучно с наследственностью. В результате Сапер сам же расторгает сделку. Ведь он мечтает об идеально здоровом племяннике, безо всяких вредных ген. Но почему-то никак не получалось найти подходящего бычка-производителя. Ну, просто наваждение какое-то! Наконец, истина открылась: Сапер выяснил, что Лиза через своих людей за большие деньги перекупала женихов, и те стряпали компромат сами на себя. Сапер был в бешенстве. У них с Лизой, этой дикой кошкой, состоялся крупный разговор на повышенных тонах. Дело будто бы закончилось тем, что Лиза выторговала себе последнюю отсрочку – до конца нынешнего лета. Так это или не так, не берусь утверждать, но слухи ходили упорные... – Выдержав небольшую паузу, бармен поднял на меня свои тяжелые, оловянные глаза, страх из которых так и не уходил: – Споры по поводу будущего наследника – единственное поле конфликтов между братом и сестрой. Во всем же остальном между ними царит полное согласие. Сестра, если нужно, пожертвует жизнью ради брата. Брат за одно насмешливое слово по адресу сестры готов стереть шутника в пыль. Они служат опорой и защитой друг другу, имейте это в виду.

– Какие у Сапера слабости?

– Это железный человек. Неприхотлив в быту, равнодушен к спиртному и наркотикам, даже не курит.

– А женщины?

– Они для него мало что значат.

Счастливым человеком...

– Вот что еще вам следует иметь в виду, – продолжал между тем бармен. – В последний период – года полтора или даже два – Сапер словно бы опасается чего-то. Фактически он переселился в “Березовую Рощу”. В городе появляется редко, и всегда в окружении своих телохранителей.

– Чего же он боится, этот крутой дядя? – спросил я.

– Кто знает... – Фомич поколебался немного и добавил: – Похоже, он в чем-то провинился перед наркокланом. Причем, по крупному. Может, утаил какую-то сумму или снюхался с конкурентами. Не знаю. – Он наклонился ко мне так близко, что я ощущал его дыхание на своей щеке. Голос звучал едва различимо: – Думаю, клан приговорил его к смерти и уже послал киллера. Поэтому вы должны учесть: в каждом незнакомце Сапер видит, прежде всего, палача, подосланного мафией, чтобы исполнить казнь.

И снова в глазах Фомича я прочитал такой ужас, словно к смерти приговорили его, бармена, а не Сапера.

– Кому Сапер еще доверяет, кроме своей сестры? Кто наиболее близок к нему?

– Есть у него начальник охраны Илья Пригожий. Здоровый, как буйвол, и весьма сметлив вдобавок. Хотя не без странностей. Говорят, очень интересуется оккультными науками. Они с Сапером вместе служили в Афгане. Сапер спас Илье жизнь, и тот считает себя его должником. Вот Илье-то Сапер доверяет во всем, а уж тот подбирает охрану по своему усмотрению.

– Как выглядит этот тип?

– Двухметровый гигант с бычьей шеей, наголо бритым черепом и бицепсами величиной с ляжку обычного человека. Он такой один, не обознаетесь.

– А что можете сказать относительно пилота личного самолета Сапера? Через пилота, через аэроклуб реально выйти на “Березовую Рощу”?

– Полагаю, что нет. Пилот Белухин – попросту воздушный извозчик, который, несомненно, в курсе некоторых делишек Сапера. Но не более того. Притом, этот человек предан Саперу и умеет молчать.

Бармен помедлил немного и добавил:

– Да, вот еще что... В последующие два-три года после ликвидации “Островка” один за другим погибли члены ликвидационной комиссии. Председатель комиссии, глава местной администрации, он же бывший первый секретарь еланского обкома партии Цупиков выбросился из окна собственной квартиры на седьмом этаже. Автомобиль начальника городской милиции Картузина лоб в лоб столкнулся с трейлером, перевозившим экскаватор. А еще через год нелепая смерть настигла генерал-лейтенанта Пирятного, который фактически возглавлял ликвидационную комиссию. На охоте он упал с лошади, разбив голову о гранитную скалу. Причем, всё это произошло на глазах десятка свидетелей. Неосторожность, несчастный случай... Между прочим, до Еланска генерал командовал дивизией в Восточной Германии, а еще раньше служил в Афганистане.

– Не в его ли подчинении находился Сапер?

– Этого я в точности не знаю. Но погиб генерал именно во владениях Сапера – в “Березовой Роще”. На охоте, как я уже имел честь вам сообщить.

– Вам больше нечего добавить?

– Да вот еще вспомнилось, что года три назад Сапер совершил недельную поездку в Среднюю Азию. Но никаких подробностей я не знаю.

Кажется, Фомич сказал всё, что знал. А ведь он действительно оказался весьма информированным человеком. Я даже не ожидал. Но чего он так боится?

В наступившей тишине слышался неясный рокот голосов в баре. Кажется, публики прибавилось. Внезапно из зала донесся громкий сочный баритон, выстреливающий слова, как горошинки из трубки:

– Машенька, золотце, любовь моя, ясный свет моих очей, войди в положение! Уже два дня сижу без живой копейки! Черт бы побрал эту дурищу Клио-Патру с ее обезьянником! Будь человеком, накапай мне во-он в тот крохотный бокальчик граммов четыреста во-он того коньячка, а взамен я поведаю тебе последние новости из мира светской тусовки!

– Аркадий пожаловал, – скривился бармен, думая о своем. – Наш главный еланский обжора... И опять просит в долг... – вдруг какая-то мысль вспыхнула в тухлых глазах Фомича: – Послушайте! А ведь Аркадий – это ваш шанс! Пусть небольшой, но шанс. Сейчас изложу в двух словах, а уж решать вам. Есть у нас в городе колоритная личность – артист Аркадий Балагулин. Ведет концерты всех заезжих знаменитостей. Абсолютно беспардонная личность! Этаким винный бурдюк на коротеньких ножках. Публика его не то чтобы любит, но принимает. Считает своим. Так вот, поговаривают, что Сапер частенько берет Балагулина с собой в “Березовую Рошу”. Держит его при себе вроде шута. Иногда в этой роли Аркадий позволяет себе вольности. Ходят слухи, будто однажды он перегнул палку. Сапер рассвирепел, впихнул его в машину и велел отвезти в пустынное место за город, а там высадить. Бедняга всю ночь добирался до дома своим ходом. При его-то комплекции! Правда, Сапер наутро остыл и осыпал Балагулина своими щедротами. Вообще, весь город знает, что Сапер покровительствует Аркадию. Тот и у нас пьет бесплатно через день, правда, придерживаясь определенных рамок, а Сапер в конце месяца оплачивает счет. Похоже, Балагулин – какая-то отдушина для Сапера. Думаю, Сапер считает, что из-за своей чудовищной лени Аркадий попросту не способен на предательство. Если вам нужен Сапер, то попробуйте выйти на него через нашего комика. Других вариантов я не вижу. Учтите только, что Лиза терпеть не может шуток Аркадия... – Он снова склонился к моей щеке: – Поверьте, я рассказал всё, что знал. Больше ничего добавить не могу. Это очень опасный человек! Проще сунуть голову в пасть голодного льва, чем встать на пути у Сапера! Дайте слово, что больше не будете приходить ко мне, а еще лучше уезжайте и сообщите Деду, что здесь у вашей конторы всё равно ничего не выйдет, – олово его зрачков прямо-таки плавилось от затаенного ужаса.

Перед тем, как покинуть заведение, я постоял немного за занавеской, незаметно разглядывая Балагулина, которому всё-таки отпустили в долг выпивку и закуску – полную тарелку. Его изображение на афише вовсе не было шаржем. Габариты мастера конференса в ширину и вправду превышали его рост. Лицо Балагулин имел гладкое, нос – маленькая пуговка – был словно притоплен между округлых щек, пухлые чувственные губы выдавали в нем человека, привыкшего потакать собственным слабостям, а выразительные карие глаза с поволокой обнаруживали самоуверенность и довольно бойкий ум. Острая козлиная бородка добавляла комизма всему его облику. На вид ему было немного за пятьдесят. Похоже, сам он ничуть не комплексовал по поводу своей тучности, как бы заявляя: да, я такой, каким создала меня природа, и не вижу тут никакой трагедии!

Так значит, этот колобок может привести меня к Саперу?

Стараясь не попадаться на глаза Балагулину, я покинул заведение.

Глава четвертая. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Вернувшись в гостиницу, я освежился под холодным душем, облачился в халат, затем налил в свою походную стопку из походной же фляжки полтинник “Хэннесси” и уселся в кресло, пытаясь выстроить полученную от Фомича информацию в систему.

Мне уже было ясно, что интуиция не подвела Деда и на этот раз, моя командировка в Еланск не была напрасной. Всё сходилось, всё указывало на то, что именно Сапер завладел бумагами покойного химика.

Я извлек из тайника в своем чемодане фотографии Сапера и Епитимьева и выложил их на журнальном столике перед собой. Исходящая от них аура помогала мне направлять свои размышления в достоверное русло.

Очевидно, события развивались примерно так. Полтора десятка лет назад, в период всеобщего развала, хаоса и бардака, некий могущественный среднеазиатско-афганский клан направил отставного майора Спорышева, своего доверенного представителя, в Еланск с задачей осесть в этом городе и наладить через него трафик наркотиков. Надо полагать, наркобароны обладали конфиденциальной информацией из самых высоких столичных сфер. Зная заранее о готовящейся ликвидации “Островка”, они разработали остроумную операцию, в ходе которой подряд на взрывные работы получил Сапер, успевший к тому времени оперативно прибраться к рукам убыточную буровзрывную контору. В конечном итоге Сапер оказался владельцем охотничьего хозяйства “Березовая Роща” – идеальной “крыши” для хранения и переработки наркотиков, а также для организации деловых встреч между нужными людьми, включая иностранцев.

Какое-то время Сапер вполне устраивал своих хозяев и, пользуясь покровительством мафии, укреплял свое влияние в городе.

Но два-три года назад что-то случилось. Сапер сначала оказался в опале, а затем и вовсе был приговорен мафией к смерти. Бармен считает, что Сапер утаил какие-то деньги из тех сумм, что предназначались для его хозяев. А может быть, дело не в деньгах? Может, вся соль именно в бумагах, которые исчезли из мирзоевского тайника три года назад? Тех бумагах, которые извлек из тайника ловкий Сапер? Недаром же он предпринял три года назад двухнедельную поездку в Среднюю Азию!

Тут, правда, сам собой снова выплывал вопрос о странном временном разрыве. Почему Сапер отправился за бумагами гениального химика именно три года назад, а не раньше или позже? Но я уже понял, что для ответа на этот вопрос (быть может, самый важный!) у меня по-прежнему не хватает данных, и потому до поры следует забыть о нем.

Ладно, двигаемся дальше.

Предположим, Сапер поставил целью довести изобретение химика до ума. Для этого у него, Сапера, имелись все условия – отрезанная от всех дорог “охотничья тропа”, вблизи которой легко было устроить тайную лабораторию, огромный выбор опытных химиков, вообще, ученых любого профиля – бывших сотрудников “Островка”, а также возможность незаметно собрать вполне пригодное научное оборудование.

Надо полагать, Сапер утаил свои планы от мафии. Он рассчитывал, что сумеет наладить производство неких товаров на основе нанотехнологий, и будет сбывать их тем же наркобаронам, всякого рода террористическим группам за баснословные бабки, ни с кем не делясь и богатея, как на дрожжах.

Однако произошла утечка информации. Наркобароны узнали о секретной инициативе одного из своих ставленников и разгневались. Сапер мог бы покаяться. Но он предпочел пойти ва-банк. Спрятался у себя в “Березовой Роще” под защитой преданной охраны во главе с Ильем

Пригожим, продолжив спонсировать некие эксперименты. Если так, значит, дела у него идут более чем успешно. Чудо-изделие вот-вот пойдет в серию. А может, уже пошло?

Тем сложнее моя задача. Ибо в каком бы качестве я не предстал перед Сапером, он, прежде всего, посчитает меня киллером, посланным мафией, чтобы убить его.

И всё же маленький шанс у меня есть. Сестра Сапера, Лиза... Его стремление побудить Лизу родить ребенка – это не блажь и не прихоть, это, похоже, давняя, выстраданная мечта. Быть может, скорая перспектива решить эту семейную проблему заставит его забыть об осторожности?

В нашей фирме, созданной Дедом, был наработан целый букет легенд, позволяющих входить в доверие к самым различным слоям населения, не вызывая при этом особых подозрений. При случае каждый сотрудник мог сыграть роль, скажем, адвоката инюрколлегии, разыскивающего несуществующего наследника, или архивариуса, идущего по следам старинного манускрипта... Была в этом списке и роль сотрудника брачной конторы. Именно эта роль и подходила для данной ситуации. Нужно было лишь вдохнуть в шаблонный сценарий свежую струю. Какую именно, я уже знал.

Нашелся и человек на роль проводника... Значит, мастер конферанса и местный островов Балагулин является по совместительству еще и придворным шутком Сапера, как утверждает бармен? Что ж, для начала я должен подружиться с толстяком и внушить ему некое навязчивое желание, исполнение которого будто бы зависит от моей воли, желание столь острое, чтобы он сам принялся обхаживать меня, чтобы сам, по доброй воле, буквально лез для этого из кожи вон...

Я провел в кресле еще час, шлифуя детали зародившегося плана. Затем несколько минут вглядывался в фотографии Сапера и Епитимьева, хотя обе они уже накрепко запечатлелись в моей памяти. Узкий, но твердый подбородок Сапера, как и его плотно сжатые тонкие губы, доказывали, что у этого типа негибкая воля. Раскрутить его будет совсем непросто. А вот ясные глаза профессора вносили в мою душу смятение. Неправильно, что этот человек ушел из жизни, так и не выполнив своего предназначения. Неправильно, что его гениальным изобретением будет пользоваться какая-то сволочь. Впрочем, в жизни немало несправедливости. Можно сколько угодно сетовать по этому поводу, но исправить этого нам, увы, не дано.

Я снова спрятал снимки в потайное дно чемодана, затем достал из шкафа костюм. Надвигался вечер, и его нужно было провести с пользой.

Еще днем я узнал от администратора, что наибольшей популярностью у гостей города пользуется бар «Северная корона» с его развлекательной программой, расположенный на 15-м этаже центрального корпуса и открытый всю ночь.

Туда я и решил направиться, освежившись и чуток передохнув. Да и перекусить не помешало бы. Кроме того, в таких вот модных и шумных заведениях всегда узнаешь что-нибудь новое о тех местах, куда судьбе угораздило тебя занести.

Глава пятая. ЖЕНЩИНА В ЛИФТЕ

У лифта спиной ко мне стояла какая-то женщина. Должен признаться, что сначала, занятый своими мыслями, я не обратил на нее особого внимания. Притом ее фигуру нельзя было назвать умопомрачительной. На мой вкус, она была узковата в бедрах.

Я подошел и встал неподалеку.

В какой-то момент женщина повернулась, и я увидел ее анфас. Все посторонние мысли мигом выскочили из моей головы.

У незнакомки были роскошные вьющиеся рыжеватые волосы, обрамляющие белое, изысканного рисунка лицо. Быть может, ее нельзя было назвать красавицей, но в ней присутствовала та яркая, броская индивидуальность, которая волнует мужчин куда сильнее холодного совершенства иных живых кукол.

Ей, вероятно, было около тридцати, и она знала, чего хочет от жизни.

Я подумал не без сожаления, что она, вероятно, ждет своего спутника или же направляется на свидание с ним. Невозможно было представить, что подобная женщина станет изнывать от одиночества в таком бойком месте.

Подошел лифт, из которого выплеснулась целая толпа постояльцев.

Мы с незнакомкой вошли в пустую кабину.

– Какой вам этаж? – спросил я.

– Пятнадцатый, – ответила она. Голос у нее был приятный и звучал вполне благожелательно, а ее большие темные глаза имели редко встречающийся влажный отблеск. Интуитивно я почувствовал, что она смотрит на меня с интересом.

Я знал, что на пятнадцатом этаже номеров нет. Только бар «Северная корона».

– Говорят, там превосходно готовят кофе? – высказал я предположение.

– Я как раз собиралась это выяснить, – ответила она.

– Может, проведем дегустацию вместе?

Она одарила меня изучающим взглядом:

– Почему бы и нет?

Лифт остановился, мы вышли из него уже *парой*.

Популярный в городе бар отличался своими масштабами. Никакой теснотицы, никаких узких проходов.

В центре питейного зала красовался огромный круглый стол, за которым могли бы разместиться человек сорок, расставив при этом локти. Но хватало и небольших столиков на двоих, тонувших в расслабляющем полумраке. За одним из них мы и приземлились.

– Кофе весьма гармонично сочетается с коньяком, – забросил я удочку.

– Ну что ж, закажите мне для начала граммов пятьдесят, – попросила она без всякого кокетства. – Но должна предупредить заранее, что я не пью за вечер более ста граммов.

– Как прикажете, ваше величество! – покорно склонил я голову.

Когда принесли заказ, мы выпили по глоточку за знакомство.

Мою новую знакомую звали Тиной. Я пустил в ход испытанное оружие.

– У вас, Тина, редкое имя. И красота ваша тоже редкая.

– В чем же ее редкость? – спросила она довольно равнодушно.

– Мы еще коснемся этой волнующей темы, – пообещал я. – А пока я попробую угадать, из каких краев вы прибыли в славный град Еланск.

– Ну, попробуйте...

– Из Москвы, – объявил я. – Причем в Москве вы были не проездом. Вы – москвичка. Или длительное время проживаете в Москве. Что, в сущности, одно и то же. Причем в обозримом будущем вы рассчитываете вернуться обратно.

– Все верно, – слегка удивилась она. – Но ведь эти сведения вы могли при желании получить у администратора.

– Мог бы, – не стал я спорить. – Но в данном случае администратор ни при чем. Поскольку я увидел вас впервые лишь четверть часа назад, у лифта. За что, между прочим, благодарен судьбе.

– Выходит, вы просто угадали с первой попытки, так? Как в тотализаторе?

– Я прочитал это по вашим изумительным глазам, – сказал я, не отводя от нее взгляда.

– Я экстрасенс, читающий по зеркалу души.

– Вы, быть может, удивитесь, но я не верю ни в экстрасенсов, ни в способность читать что-то особенное по зеркалу души, – ответила она с ироничной улыбкой.

– Скажу вам по секрету, я тоже. Видите, как много у нас общего!

– Но как же вы угадали? Ведь мы еще не успели ни о чем поговорить? Откройте свой метод, Ярослав. Наверняка, он очень простой. Нет, мне, правда, интересно!

– Не скрою, метод есть. И он действительно прост. Но, понимаете, Тиночка, я очень корыстный человек. Ничего не делаю даром.

– Что же вы потребуете взамен?

– Угадайте с первого раза.

Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза.

– Нет, Ярослав, – безапелляционно заявила она. – Вы напрасно на себя наговариваете. Никакой вы не корыстолюбец, а напротив – джентльмен, готовый выполнить любой каприз прекрасной дамы.

– Ловко же вы меня раскусили!

– Ну, ладно, не нагнетайте интригу! Откройтесь! Считайте, что это мой каприз!

– Сдаюсь, о прекраснейшая! – с притворной покорностью вздохнул я. – В лифте вы искали в своей сумочке, перебирая ее содержимое, губную помаду. Извините, там вокруг зеркала, и мне некуда было спрятать свой нескромный взор. Я успел заметить в ваших прелестных ручках карточку московского метрополитена. На десять поездок, из которых отбиты были только две. Ну, а дальше совсем просто. Если бы вы были в Москве только проездом, то не стали бы покупать карточку на десять поездок, зная, что предстоит совершить не более двух-трех. С другой стороны, раз уж вы взяли с собой в Еланск недоиспользованную карточку метро, срок действия которой ограничен, значит, собираетесь вскоре вернуться. Я прав?

– Действительно, просто... – удивилась она. – А вы, Слава, – можно я буду вас так называть? – очень наблюдательны, и мне вовсе не хочется оставлять вас без награды. У меня есть предложение: давайте перейдем на «ты»?

– И выпьем за это на брудершафт, – продолжил я.

Мы выпили и поцеловались. Губы у нее были мягкие и умелые.

Честно говоря, я не собирался расспрашивать Тину о цели ее визита в Еланск. Где-то про себя я решил, что она – представитель крупной центральной фирмы, имеющей здесь филиал.

Но тут Тина сама заговорила, поведав, что работает в шоу-бизнесе. Сейчас она администратор группы «Ба-Бу-Ин», с которой выступает восходящая эстрадная звездочка Клио-Патра. Здесь, в Еланске, должны были состояться недельные гастроли группы. Но капризной звездочке не понравился оказанный прием, она развернулась и укатила в белокаменную, к своему седовласому спонсору. Особенно ей не понравился местный конференсье толстяк Балагулин, поскольку она привыкла, что ее окружают мужчины спортивного типа. Ей же, Тине, приходится расхлебывать всю эту кашу.

“На ловца и зверь бежит!” – с чистой совестью мог бы воскликнуть я. Но вслух произнес очередной комплимент:

– Сказать по правде, ты не похожа на безответную бедняжку, согласную терпеть чьи-то капризы.

Тина рассмеялась:

– У меня в этом деле свой интерес. Я хочу пару раз посадить эту истеричку в огромную лужу и выговорить для себя более выгодные условия. Ничего, и не таких приходилось обламывать!

– Хм! Я сразу почувствовал, что ты – опасная штучка!

– Только по отношению к тем, кто груб со мной, – она откровенно посмотрела мне в глаза. – А вообще, по натуре я – ласковая женщина... Но из Клио-Патрочки готова веревки вить! Она ведь слабачка, как и все спонсируемые знаменитости. Могу держать пари, что через три-четыре дня начнет забрасывать меня телеграммами... Ну, а ты чем занимаешься, таинственный незнакомец?

Мы выпили еще по глоточку, и тут я решил обкатать свою легенду на Тине. Она – наблюдательная женщина. Если смогу ее убедить, значит, обыграю и Сапера.

– Вообще-то, моя профессия – это тайна, Тина. Но, так и быть, откроюсь тебе, если поклянешься страшной клятвой никому ее не выдавать!

– Страшной?

– Ладно, расскажу без всяких клятв. Но только никому, договорились?

– Могила! – она молитвенно сложила руки перед собой.

– Хм, я чувствую в тебе родственную душу! Итак, я представитель конфиденциальной брачной конторы.

– Конфиденциальной?

– Ну, да. Наш шеф-организатор давно заметил, что брачных контор много, но богатые и влиятельные люди в них не идут. Одни из-за стеснения, другие из-за боязни оказаться жертвой папарацци и т.д. Между тем, именно среди богатых и влиятельных субъектов наиболее велик процент несостоявшихся судеб. Такова безрадостная статистика нашего сурового времени. И вот наш шеф решил: если гора не идет к Магомету... Словом, в один прекрасный день он организовал фирму, – я поднял указательный палец, – но это строго между нами, Тиночка, фирму, занявшуюся судьбой богатых, которые тоже плачут из-за не сложившейся личной жизни. Я не буду открывать тебе всех наших секретов, скажу только, что среди людей, известных всей стране, немало наших клиентов, чье семейное счастье мы выковали собственными руками. – Как бы в качестве весомого аргумента я показал ей обе свои ладони. – С некоторых пор мы начали открывать свои филиалы в областных центрах, поскольку и там немало наших потенциальных клиентов. И вот дошел черед до Еланска. Я прибыл сюда, Тиночка, для того, чтобы изучить обстановку в городе и принять решение о целесообразности функционирования здесь филиала нашей брачной конторы. Таким образом, грядущая гармония этого славного городка в какой-то степени зависит от моего вердикта, на вынесение которого, в свою очередь, повлияет твоя позиция.

Она некоторое время пристально смотрела на меня.

– А ты не заливаешь?

– Соврать можно было бы и половчее, – возразил я.

– Допустим. Но какова твоя цель?

– Она самая простая. Мне нужна информация о потенциальных клиентах. Мы будем обхаживать их методами, которые составляют секрет фирмы. Наш принцип: никакого насилия и никакого обмана! Мы помогаем людям обрести свое личное счастье, и это дело благородное! Но нам нужна информация. Весь наш опыт свидетельствует о том, что артистическая, эстрадная, театральная среда – наилучший проводник слухов. Вот в эту среду мне и необходимо попасть.

– Ты хочешь, чтобы я познакомила тебя с кем-то из местных артистов?

– Умничка, ты сразу ухватила суть. И вот что еще следует иметь в виду: услуга эта не бесплатная. В случае успеха на твою долю придется до 10 процентов от нашего гонорара. Плюс – вечная признательность счастливых клиентов.

– Соблазнительно.

– Вот и поразмысли над моим предложением. Протяни руку помощи страдальцам.

– Но я не очень хорошо знаю местную театральную элиту. Разве что администраторов так называемых культурно-досуговых центров. Но они вряд ли обогатят вашу контору... – она задумалась. Вдруг в ее глазах вспыхнули огоньки. – Послушай, а местная знаменитость – Балагулин – тебя устроит?

Я уже давно ждал этого вопроса.

– А кто это такой? Вроде бы я видел эту фамилию на какой-то афише...

– Он ведет концерты, развлекает публику анекдотами и скетчами, иногда довольно плоскими. Но он умеет попадать в настроение. Иной его каламбур долго еще повторяют в городе на все лады. А еще он показывает всякие фокусы и трюки, – простые, но они нередко ставят зрителей в тупик. Сам он обычно сидит без гроша, однако, насколько мне известно, его часто приглашают тамадой на свадьбы и юбилеи в богатые дома, а глаз у него острый, следовательно, какой-то информацией, представляющей интерес для вашей брачной конторы, он обладать может.

– Что ж, – кивнул я, – судя по всему, это готовый кандидат для сотрудничества. Ты познакомишь меня с ним?

– Хоть завтра! А еще могу дать бесплатный совет: хочешь найти с ним общий язык, угости его плотным, а лучше царским обедом. Но учти, его аппетит может разорить даже скромного миллионера.

– Не проблема. Шеф выделил мне кое-какие средства для представительства.

Она лукаво улыбнулась:

– А хочешь еще одну бесплатную подсказку? Знаешь, какое у Балагулина самое заветное желание? Мечта, ради которой он готов даже сесть на временную диету?

– Любопытно было бы узнать.

– Не напрягайся, всё равно не угадаешь. Он мечтает хотя бы единственный раз в жизни провести концерт на кремлевской сцене и получить приглашение на ужин у президента!

– Да, это большая мечта, – согласился я. – Посмотрю, что можно сделать для ее осуществления. Наш шеф проворачивает и не такие штуки! Но знаешь... К черту Аркадия, а также Клио-Патрочку со всеми ее спонсорами и бабуинами! Давай потанцуем.

Тина не лукавила, предупреждая, что пьет мало. Она не выпила даже заявленных ста граммов коньяка. Но у нее была счастливая способность опьяняться атмосферой веселья и беззаботности.

После того как мы посмотрели довольно профессиональный стриптиз, я предложил Тине переместиться на пять минут в мой номер, чтобы подышать свежим воздухом, а затем, мол, можно вернуться в бар.

Она кивнула, и мы синхронно поднялись из-за столика

Переступив порог моей комнаты, она сразу же направилась в душ. Когда через несколько минут она вышла оттуда, весь ее наряд состоял из полотенца, обернутого вокруг талии.

В «Северную корону» мы так и не вернулись.

Ранним утром мы тоже любили друг друга.

Затем она поцеловала меня еще раз своими мягкими губами и поднялась:

– Все, милый! Я должна идти. Надо отдохнуть хоть немного, а затем мне предстоит переделывать кучу всяких скучных дел. Но вечером можем встретиться, если ты, конечно, хочешь.

– Я хочу, чтобы твоя Клио-Патрочка как можно дольше не давала о себе знать!

– Но тогда я окажусь на весьма обширной мели.

– Не волнуйся, в моих силах выручить тебя. Но ты мне подыграешь, чтобы я смог надежнее заарканить весельчака Балагулина? – попросил я ее.

– А вот это совсем уж не проблема...

Глава шестая. НЕУНЫВАЮЩИЙ ТОЛСТЯК

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.